

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-535-542

КОРЧАГИН Анатолий Георгиевич,
кандидат юридических наук, доцент базовой кафедры
конкурентного и предпринимательского права,
e-mail: korchagin.ag@dvfu.ru

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна,
Магистрант Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: provatkina.ve@dvfu.ru

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна,
Магистрант Юридической школы Дальневосточного
федерального университета,
e-mail: voloshina.tv@dvfu.ru

СМАРТ-КОНТРАКТЫ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, РИСКИ ДЛЯ БИЗНЕСА И ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы смарт-контрактов, особенностей их нормативного регулирования в Российской Федерации, а также анализу рисков, возникающих при их использовании в предпринимательской деятельности. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению смарт-контракта, действующее законодательство в сфере цифровых прав и автоматизированного исполнения обязательств, проблемы правоприменения, связанные с неизменностью программного кода, доказыванием в судебном процессе и защитой нарушенных прав участников цифрового оборота. Особое внимание уделено механизмам минимизации правовых рисков, включая использование «юридической обертки» (legal wrapper), нотариальное удостоверение сделок и идентификацию участников цифровых правоотношений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства в целях обеспечения баланса между технологической инновацией и эффективной судебной защитой субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые права, блокчейн, предпринимательская деятельность, цифровая экономика, автоматизированное исполнение обязательств, судебная защита, цифровые финансовые активы, гражданское право, информационные технологии.

KORCHAGIN Anatoly Georgievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Basic Department of
Competitive and Entrepreneurial Law

PROVATKINA Valeria Evgenievna,
Master's student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna,
Master's student of the Law School of the Far Eastern
Federal University

SMART CONTRACTS: LEGAL REGULATION, BUSINESS RISKS AND PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS

Annotation. The article is devoted to the study of the legal nature of smart contracts, the features of their regulatory regulation in the Russian Federation, as well as the analysis of risks arising

from their use in entrepreneurial activity. The main doctrinal approaches to the definition of a smart contract, the current legislation in the field of digital rights and automated fulfillment of obligations, the problems of law enforcement related to the invariability of the program code, proof in the trial and protection of the violated rights of participants in digital circulation are considered. Particular attention is paid to mechanisms for minimizing legal risks, including the use of a "legal wrapper," notarization of transactions and identification of participants in digital legal relations. It was concluded that it is necessary to further improve Russian legislation in order to ensure a balance between technological innovation and effective judicial protection of business entities.

Key words: *smart contract, digital rights, blockchain, entrepreneurial activity, digital economy, automated fulfillment of obligations, judicial protection, digital financial assets, civil law, information technology.*

Стремительная цифровизация всех сфер экономической деятельности, наблюдаемая в последнее десятилетие, не могла не затронуть фундаментальные институты гражданского права. Одним из наиболее ярких проявлений этого процесса стало появление и активное внедрение в коммерческий оборот смарт-контрактов — программных кодов, функционирующих в среде блокчейн и обеспечивающих автоматическое исполнение договорных обязательств при наступлении заранее определенных условий.

Для предпринимательского сообщества смарт-контракты открывают принципиально новые возможности: снижение транзакционных издержек, исключение посредников, повышение скорости исполнения сделок и минимизация человеческого фактора. Однако эти преимущества сопряжены с серьезными правовыми рисками, связанными с отсутствием в российском законодательстве легального определения смарт-контракта, коллизией между неизменностью программного кода и возможностью изменения договора по соглашению сторон или решению суда, а также с проблемами доказывания и судебной защиты нарушенных прав.

1. Правовая природа смарт-контракта и его нормативное регулирование в Российской Федерации

1.1. Генезис понятия «смарт-контракт» и его доктринальные определения

Термин «смарт-контракт» (smart contract, «умный контракт») был введен американским криптографом и юристом Ником Сабо еще в середине 1990-х годов, задолго до появления технологии блокчейн и биткойна. Сабо предложил концепцию «встраивания» условий договора в компьютерный код, что позволило бы минимизировать роль посредников и человеческий фактор при исполнении обязательств. Простейшим прообразом смарт-контракта, по мнению Сабо, можно считать обычный торговый автомат: покупатель вносит деньги, и механизм автоматически выдает товар, без участия продавца.

В современном понимании смарт-контракт

— это программный код, функционирующий в распределенной среде блокчейн, который автоматически исполняет условия соглашения при наступлении заранее определенных обстоятельств (триггеров). Ключевым здесь является смещение акцента с доверия к контрагенту на доверие к технологии: стороны полагаются не на обещания друг друга, а на математически гарантированное выполнение кода.

В российской юридической доктрине сложилось несколько подходов к определению правовой природы смарт-контракта. Как отмечает Н.Т. Минасян, такое разнообразие взглядов вызвано различной трактовкой предусмотренного в абзаце 2 ст. 309 ГК РФ положения об автоматизированном исполнении сделки, не требующем дополнительного волеизъявления сторон.

Можно выделить три основных доктринальных подхода:

Первый подход рассматривает смарт-контракт как особую форму сделки (электронную форму). Сторонники этого подхода полагают, что смарт-контракт — это договор, заключенный в электронной форме с использованием программного кода, а автоматическое исполнение — это лишь техническая особенность, не меняющая правовой сущности.

Второй подход видит в смарт-контракте не договор, а техническое средство (инструмент) исполнения обязательств, возникших из традиционного письменного договора. С этой точки зрения, правовое значение имеет не сам код, а волеизъявление сторон, зафиксированное в текстовом документе.

Третий подход настаивает на признании смарт-контракта особым объектом гражданского оборота *sui generis*, который не укладывается в классическую триаду «договор — форма — способ исполнения». Согласно этому подходу, автоматизация порождает новое качество сделки — ее формат, который наряду с формой приобретает юридическое значение.

Независимо от подхода, исследователи выделяют три ключевых признака смарт-контракта:

(1) наличие цифрового верифицируемого события (триггера), которое может быть подтверждено блокчейном; (2) программный алгоритм реагирования на это событие; (3) юридически значимое действие на выходе (передача денег, товара, прав).

Важно отметить, что первая версия законопроекта о цифровых финансовых активах (2018 г.) предлагала трактовать смарт-контракт как разновидность электронного договора. Однако позже эта норма была исключена, что, по мнению ряда авторов, свидетельствует об осторожности законодателя и незавершенности процесса осмысления технологии.

1.2. Законодательные основы применения смарт-контрактов в России

Отправной точкой для интеграции смарт-контрактов в российскую правовую систему стало внесение изменений в ст. 309 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с действующей редакцией, «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Это положение, по справедливому замечанию исследователей, позволяет рассматривать автоматическое исполнение как добросовестное выполнение договоренностей, не требующее дополнительных действий от сторон. Однако данная норма носит рамочный характер и не раскрывает ключевых аспектов правового регулирования смарт-контрактов.

Следующим важным шагом стало введение в ГК РФ статьи 141.1, закрепившей понятие «цифровые права». Под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Как отмечают М.С. Кирмизов и М.Ш. Эргашева, термин «цифровые права» не совсем точен с догматической точки зрения. По своей сути, это традиционные гражданские права (например, права требования), просто облаченные в новую, электронную форму. Тем не менее, законодательное признание цифровых прав создало необходимую основу для оборота активов, с которыми оперируют смарт-контракты.

Важным событием 2025 года стало введение экспериментального правового режима (ЭПР) в сфере цифровых инноваций, в рамках которого смарт-контракты получили официальное призна-

ние как специфическая форма заключения и исполнения договора. Как отмечается в аналитических материалах, с 1 января 2025 года автоматизированное исполнение условий сделки признается надлежащим исполнением, если участники идентифицированы через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) или аккредитованную систему, а программный код доступен для проверки сторонами.

1.3. Соотношение смарт-контракта с традиционными формами сделок

Ключевой вопрос, возникающий при попытке вписать смарт-контракт в существующую систему гражданского права, — это вопрос о его соотношении с традиционными формами сделок.

Согласно ст. 158 ГК РФ, сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной). Электронная форма признается разновидностью письменной формы (ст. 160 ГК РФ). Исходя из этого, смарт-контракт, записанный в программный код, можно рассматривать как сделку, совершенную в электронной форме. Однако, как справедливо отмечают исследователи, электронный документ (в смысле Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и цифровой документ (код смарт-контракта) — не одно и то же.

Электронный документ может создаваться и восприниматься человеком посредством электронно-вычислительной техники без специальных знаний в сфере информационных технологий. Цифровой же документ — это запись, сделанная в виде цифрового кодирования с использованием дискретных числовых значений (например, двоичного кода 0 и 1). Для понимания и проверки кода смарт-контракта необходимы специальные знания.

Это различие порождает проблему: если закон требует, чтобы условия договора были «ясны и определены», может ли считаться ясным условие, записанное на языке программирования, который понимают только IT-специалисты? В доктрине предлагается решать эту проблему путем использования «гибридных» договоров, где программный код сопровождается текстовым описанием на естественном языке.

Еще один важный аспект — порядок заключения смарт-контракта. Заключение смарт-контракта, как и обычного, проходит стадии оферты и акцепта. Оферта может быть размещена в виде кода на веб-странице или в блокчейне, а акцепт выражается присоединением к этому коду с использованием закрытого криптографического ключа. Проблема в том, что в традиционном договоре стороны могут в любой момент договориться об изменении условий или расторжении договора.

В чистом смарт-контракте, не предусматривающем такой функции, это технически невозможно без изначального закладывания механизма «аварийного выключателя» (kill switch), что, впрочем, противоречит идее децентрализации и снижает уровень доверия к технологии.

Таким образом, на сегодняшний день наиболее распространенной и юридически безопасной является модель, при которой смарт-контракт используется как инструмент автоматического исполнения обязательств, а сами обязательства возникают из традиционного письменного договора. Эта модель позволяет сочетать скорость и надежность автоматизации с гибкостью и защищенностью классического договорного права.

2. Проблемы правоприменения и риски для предпринимательской деятельности

2.1. Коллизия между неизменностью программного кода и гибкостью гражданского права

Технологической основой смарт-контрактов является блокчейн — распределенный реестр, информация в котором защищена криптографически и не может быть изменена задним числом. Именно свойство неизменности (иммутабельности) создает основную коллизию с гражданским правом, которое всегда предусматривает механизмы изменения или расторжения договора.

Гражданский кодекс РФ содержит несколько институтов, позволяющих сторонам отступить от буквального содержания договора:

Изменение и расторжение договора по соглашению сторон (ст. 450 ГК РФ). Если стороны решили, что условия договора больше не соответствуют их интересам, они могут в любой момент подписать дополнительное соглашение. Однако смарт-контракт, лишенный такой функции, будет продолжать исполняться так, как было заложено в коде, даже если обе стороны желают иного.

Расторжение договора в судебном порядке при существенном нарушении (статья 450 ГК РФ). Если одна из сторон существенно нарушила договор, другая сторона может обратиться в суд с требованием о расторжении. Но если нарушение уже привело к автоматическому исполнению смарт-контракта (например, списанию денег), вопрос о возврате сторон в первоначальное положение (реституции) становится крайне сложным.

Изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств (статья 451 ГК РФ). Эта норма призвана защищать сторону, для которой исполнение договора стало явно обременительным вследствие обстоятельств, которые сторона не могла предвидеть при заключении договора. Смарт-контракт, не предусматривающий такого механизма, будет исполнен даже в том случае, если это станет явно неспра-

ведливым.

Особую сложность представляет оспаривание сделок по основаниям, предусмотренным главами 9 и 10 ГК РФ. Если суд признает смарт-контракт недействительным по статье 178 (сделка, совершенная под влиянием заблуждения) или ст. 179 (сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия, угрозы), он должен применить реституцию — вернуть стороны в первоначальное положение. Однако технически «вернуть все назад» в блокчейне невозможно: транзакция, однажды записанная в блокчейн, не может быть отменена.

2.2. Проблема доказывания и судебной защиты по смарт-контрактам

Вторая крупная проблема, с которой сталкиваются предприниматели при использовании смарт-контрактов, — это проблема доказывания в суде. Традиционные доказательства (письменные документы, подписанные сторонами) в мире смарт-контрактов отсутствуют. Есть только записи в блокчейне, представляющие собой криптографические хеши и цифровые подписи. В российском гражданском процессе действует принцип допустимости доказательств: определенные обстоятельства должны быть подтверждены определенными средствами доказывания. В частности, факт заключения договора должен подтверждаться документом, подписанным сторонами (ст. 162 ГК РФ). Может ли запись в блокчейне считаться таким документом? Формально — да, если эта запись подписана электронной подписью сторон в соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи». Однако на практике возникает множество технических и правовых сложностей.

Как показывает анализ судебной практики, споры по смарт-контрактам рассматриваются с привлечением IT-экспертов, которые должны подтвердить, что программный код работал именно так, как утверждает истец, и что запись в блокчейне не была сфальсифицирована. Это удорожает и удлиняет судебный процесс, что противоречит одному из главных преимуществ смарт-контрактов — скорости.

Как отмечает Е.А. Кириллова, в монографии «Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов» подчеркивается, что судебная практика по спорам, возникающим из применения смарт-контрактов, только начинает формироваться. Основные вопросы, которые возникают у судов, — это вопросы доказывания, а также аспекты применения инструментов разрешения противоречий, специально ориентированных на функционирование в цифровой среде.

3. Защита прав предпринимателей при использовании смарт-контрактов

3.1. Механизм «юридической обертки» (legal

wrapper) как способ минимизации рисков

В условиях правовой неопределенности, описанной в предыдущей главе, наиболее практичным и распространенным способом защиты прав предпринимателей при использовании смарт-контрактов является механизм «юридической обертки». Этот термин прочно вошел в юридический обиход, хотя и не имеет легального определения в российском праве.

Суть механизма проста - смарт-контракт (программный код) заключается в «обертку» из традиционного письменного договора на естественном языке. В этом договоре:

фиксируется воля сторон на использование смарт-контракта;

описываются условия, запрограммированные в коде, на понятном суду языке;

определяются механизмы разрешения споров (подсудность, применимое право);

предусматриваются последствия сбоев в работе кода или ошибок оракулов;

оговаривается приоритет текстового договора над программным кодом в случае коллизии.

С точки зрения защиты прав предпринимателей, «юридическая обертка» решает несколько ключевых задач:

Во-первых, она обеспечивает соблюдение требований о письменной форме сделки. Даже если суд по каким-то причинам не признает программный код надлежащим доказательством, текстовый договор, подписанный сторонами, будет иметь полную юридическую силу.

Во-вторых, она позволяет включить в отношения механизмы, которые технически невозможно или сложно реализовать в коде, — например, условие об изменении договора по соглашению сторон или о расторжении при существенном изменении обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

В-третьих, она упрощает судебное доказывание. Вместо того чтобы доказывать, что код работал именно так, как утверждает истец, достаточно сослаться на текстовый договор и подтвердить, что смарт-контракт был исполнен (факт автоматического списания или перевода легко подтверждается записью в блокчейне).

Как отмечает Е.А. Кириллова в своей монографии, «юридическая обертка» позволяет сочетать преимущества автоматизации (скорость, надежность, отсутствие посредников) с преимуществами классического договорного права (гибкость, судебная защита, возможность изменения).

Однако у этого механизма есть и недостатки. Во-первых, он увеличивает транзакционные издержки (нужно составлять два документа вместо одного). Во-вторых, он частично нивелирует преимущество смарт-контрактов — отсутствие необ-

ходимости в доверии. Если в «обертке» прописано, что в случае спора приоритет имеет текстовый договор, то стороны должны доверять суду, который будет этот спор разрешать. В-третьих, возникает вопрос: что делать, если код и текстовый договор противоречат друг другу, а стороны не предусмотрели приоритет? Этот вопрос пока не имеет однозначного ответа в доктрине.

3.2. Роль нотариата и идентификации сторон в смарт-контрактах

Важным аспектом защиты прав предпринимателей является надлежащая идентификация сторон смарт-контракта. Анонимность — одно из ключевых свойств многих блокчейн-систем, но для предпринимательской деятельности, подпадающей под действие законодательства о противодействии легализации доходов (ПОД/ФТ) и налогового законодательства, анонимность неприемлема.

В рамках экспериментального правового режима, действующего с 2025 года, установлено требование: участники смарт-контракта должны быть идентифицированы через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) или аккредитованную систему. ЕСИА — это государственная система, используемая для доступа к portalу «Госуслуги». Идентификация через ЕСИА означает, что государство подтверждает личность участника.

Для предпринимателей это означает, что использование смарт-контрактов в рамках ЭПР не позволяет оставаться анонимным. С одной стороны, это снижает риск мошенничества (контрагент не может скрыться, так как его личность известна). С другой стороны, это создает дополнительные административные барьеры (необходимость регистрации в ЕСИА, подтверждения учетной записи).

Особая роль в легализации смарт-контрактов может принадлежать нотариату. Нотариусы в России наделены полномочиями по удостоверению сделок, свидетельствованию верности копий документов, а также по совершению исполнительных надписей. В контексте смарт-контрактов нотариус может выполнять следующие функции:

Удостоверение соглашения об использовании смарт-контракта. Нотариус может засвидетельствовать, что стороны добровольно и осознанно заключают соглашение о применении смарт-контракта, и что их воля соответствует волеизъявлению.

Фиксация программного кода. Нотариус может приобщить к материалам нотариального дела распечатку программного кода смарт-контракта или его криптографический хеш, засвидетельствовав, что на определенную дату код имел определенное содержание.

Совершение исполнительной надписи. Если смарт-контракт предусматривает беспорное требование (например, возврат суммы займа), и это требование не исполнено, нотариус может совершить исполнительную надпись, которая имеет силу исполнительного документа. Это позволит избежать длительного судебного разбирательства.

Как отмечают исследователи, взаимодействие смарт-контрактов с нотариатом — это перспективное направление. Для предпринимателя использование услуг нотариуса при заключении смарт-контракта — это дополнительные расходы, но эти расходы могут быть оправданы, если цена сделки велика или если контрагент недостаточно известен. Нотариальное удостоверение придает сделке дополнительную доказательственную силу и упрощает защиту прав в случае спора.

3.3. Тенденции развития регулирования и перспективы законодательных изменений

Анализируя тенденции развития правового регулирования смарт-контрактов в России, можно выделить несколько направлений, которые будут определять будущее этого института и, соответственно, условия защиты прав предпринимателей.

В доктрине неоднократно высказывались предложения о внесении в Гражданский кодекс РФ легального определения смарт-контракта. Н.Т. Минасян предлагает дополнить ГК РФ ст. 160.2 «Совершение сделок с использованием смарт-контрактов», которая закрепила бы юридическую силу смарт-контрактов и определила их соотношение с традиционными формами сделок. Такое законодательное закрепление повысило бы правовую определенность и упростило судебную защиту.

Вместе с тем законодательство о цифровых финансовых активах (ЦФА) и цифровой валюте продолжает развиваться. В декабре 2025 года Банк России представил концепцию регулирования криптоактивов, которая предполагает введение двухуровневой модели инвесторов (квалифицированные и неквалифицированные) с ограничениями для розничных инвесторов. Эта концепция будет влиять и на смарт-контракты, поскольку они являются основной формой сделок с ЦФА и криптовалютами.

Как отмечает Е.А. Кириллова, судебная практика по спорам, возникающим из применения смарт-контрактов, только начинает формироваться. По мере накопления таких дел будут вырабатываться правовые позиции, которые снимут многие вопросы доказывания и квалификации. Предпринимателям, использующим смарт-контракты, необходимо внимательно следить за этой практикой.

Для предпринимателя эти тенденции означают, что смарт-контракты будут постепенно интегрироваться в правовое поле, но этот процесс будет не быстрым. В ближайшие годы основным способом защиты прав останется механизм «юридической обертки» и использование услуг квалифицированных юристов при разработке смарт-контрактов. Полная легализация «чистых» смарт-контрактов (без текстового сопровождения) — дело отдаленного будущего.

Проведенный в настоящем реферате анализ правового регулирования смарт-контрактов в Российской Федерации, проблем их применения и механизмов защиты прав предпринимателей позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Смарт-контракты представляют собой инновационный инструмент, который открывает перед предпринимателями принципиально новые возможности: снижение транзакционных издержек за счет автоматизации исполнения, исключение посредников, повышение скорости и надежности договорных отношений. Однако эти преимущества сопряжены с серьезными правовыми рисками, обусловленными отсутствием легального определения смарт-контракта в российском законодательстве и коллизией между фундаментальными принципами функционирования блокчейна (неизменность кода) и классического гражданского права (гибкость, возможность изменения и расторжения договора).

Российское законодательство сделало важные шаги навстречу цифровой экономике. Статья 309 ГК РФ допускает автоматизированное исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления сторон, а ст. 141.1 ГК РФ и Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» создали правовую основу для оборота цифровых прав. Однако эти нормы носят рамочный характер и не решают ключевых проблем: доказывания в суде, идентификации сторон, ответственности оракулов, а также вопроса о том, как применять к смарт-контрактам институты изменения, расторжения и признания сделок недействительными.

Наиболее острые проблемы правоприменения связаны с доказыванием в суде: запись в блокчейне, представляющая собой криптографический хеш, с трудом вписывается в традиционную систему письменных доказательств. Судам придется привлекать IT-экспертов, что удорожает и удлиняет процесс. Проблема усугубляется отсутствием четких критериев оценки достоверности данных блокчейна и вопросом о юрисдикции при использовании децентрализованных систем.

В этих условиях основным способом защиты прав предпринимателей при использовании

смарт-контрактов является механизм «юридической обертки» (legal wrapper) — заключение наряду с программным кодом традиционного письменного договора на естественном языке, в котором фиксируется воля сторон, описываются условия сделки и предусматривается приоритет текстового договора над кодом в случае спора. Дополнительную защиту может обеспечить нотариальное удостоверение соглашения об использовании смарт-контракта и фиксация программного кода у нотариуса.

Анализ тенденций развития регулирования позволяет предположить, что в ближайшие годы следует ожидать легального закрепления понятия смарт-контракта в Гражданском кодексе РФ (возможно, в виде новой ст. 160.2), а также дальнейшего развития регулирования цифровых прав и формирования судебной практики, которая снимет многие вопросы доказывания и квалификации. Однако полная легализация «чистых» смарт-контрактов без текстового сопровождения — дело отдаленного будущего.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3448.
- [3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 15. — Ст. 2036.
- [4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5018.
- [5] Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1412.
- [6] Постановление Правительства РФ от 03.04.2023 № 529 «О проведении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» (вместе с «Программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций») // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 15. — Ст. 2689.
- [7] Информационное письмо Президиума

ВАС РФ от 31.05.2000 № 52 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с применением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле» (в части, касающейся электронных форм сделок) // Вестник ВАС РФ. — 2000. — № 7.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (раздел, посвященный цифровым правам) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 8.

[9] Минасян Н.Т. Понятие и правовая природа смарт-контрактов // Современное право. — 2025. — № 11. — С. 23–29.

[10] Кирмизов М.С., Эргашева М.Ш. Смарт-контракты в России: проблемы теории и практики // Молодой ученый. — 2026. — № 11 (614). — С. 165–168.

[11] Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 168 с.

[12] Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. — 2019. — № 1. — С. 21–28.

[13] Харитонов Ю.С. Применение смарт-контрактов в коммерческой деятельности // Коммерческое право. — 2019. — № 1 (32). — С. 42–50.

[14] Карапетов А.Г. (отв. ред.). Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. — М.: М-Логос, 2022. — 1496 с.

[15] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2025 по делу № А40-12345/2024.

[16] Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22.07.2025 по делу № А56-67890/2025.

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — № 32. - Art. 3301.
- [2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended by 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 31 (1 hour). - Art. 3448.
- [3] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" (as amended on 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2011. — № 15. - Art. 2036.
- [4] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and

on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended by 14.07.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — № 31. - Art. 5018.

[5] Federal Law of 08.03.2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2015. — № 10. - Art. 1412.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation of 03.04.2023 No. 529 "On conducting an experimental legal regime in the field of digital innovation" (together with the "Program of an experimental legal regime in the field of digital innovation") // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2023. — № 15. - Art. 2689.

[7] Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 31.05.2000 No. 52 "Review of the practice of arbitration courts resolving disputes related to the application of legislation on currency regulation and currency control" (in terms of electronic forms of transactions) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2000. — № 7.

[8] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (section on digital rights) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian

Federation 29.05.2024) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2024. — № 8.

[9] Minasyan N.T. The concept and legal nature of smart contracts // Modern law. — 2025. — № 11. - S. 23-29.

[10] Kirmizov M.S., Ergasheva M.Sh. Smart contracts in Russia: problems of theory and practice // Young scientist. — 2026. — № 11 (614). - S. 165-168.

[11] E.A. Kirillova, T.E. Zulfugarzade. Civil law support of smart contracts: monograph. - M.: INFRA-M, 2024. - 168 s.

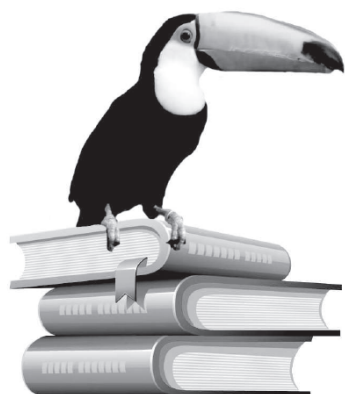
[12] Efimova L.G., Sizemova O.B. Legal nature of a smart contract // Banking law. — 2019. — № 1. - S. 21-28.

[13] Yu.S. Kharitonova. Application of smart contracts in commercial activities // Commercial law. — 2019. — № 1 (32). - S. 42-50.

[14] Karapetov A.G. (resp. ed.). Performance and termination of the obligation: commentary to articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation. - M.: M-Logos, 2022. - 1496 p.

[15] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 14.03.2025 in case No. A40-12345/2024.

[16] Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 22.07.2025 in case No. A56-67890/2025.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.